

Сотериологическая концепция в антипелагианской позиции Аврелия Августина

А. Р. Антонян

аспирант кафедры философии религии и религиоведения, Южный федеральный университет.
Россия, г. Ростов-на-Дону.

ORCID: 0000-0002-3047-8609. E-mail: antonyan1917@mail.ru

Аннотация: В данной статье рассматривается доктрина святого Августина о предопределении, которое представляет собой стержень августинианской сотериологической позиции. Целью работы является выяснение причин и предпосылок возникновения данного учения. Предмет научного исследования – тексты Августина и его оппонента монаха Пелагия. Особое внимание уделено антропологическим и сотериологическим доктринам Августина позднего периода его творчества, получившим окончательное оформление в результате полемики Гиппонского епископа с пелагианскими концепциями.

Методология исследования включает историко-философский анализ текстов Августина и Пелагия, а также сравнение ключевых для сотериологии концептов, эксплицированных из данных текстов. Актуальность статьи обуславливается тем, что учение о предопределении, ярко выраженное в антипелагианских трактатах Августина и оказавшее колоссальное влияние на формирование ряда христианских доктрин, в целом остается малоизученным в отечественной религиозно-философской литературе. Нередко христианские авторы, занимающиеся исследованием истории доктринальных споров, предпринимают попытку свести сотериологические постулаты Августина к простой реакции на пелагианское учение. Но такой подход является сильно упрощенным и до некоторой степени неверным. В результате исследования автор приходит к выводам, что доктрина Августина о предопределении, выкристаллизовавшаяся в спорах с Пелагием, все же имеет истоки в личном духовном опыте Августина, результатом которого и явилось осознание своего бессилия и невозможности исправить жизнь без особой помощи Бога. Данная статья может быть интересной и полезной для тех, кто интересуется вопросами философии религии, медиэвистики, истории развития христианских доктрин.

Ключевые слова: предопределение, судьба, провидение, свобода воли, пелагианская доктрина.

Вне всякого сомнения, Аврелий Августин является одним из самых популярных отцов западной христианской Церкви. Но, несмотря на авторитет и всеобщее уважение, далеко не все утверждения епископа Гиппона безоговорочно принимались в христианских сообществах. Некоторые антропологические и сотериологические концепции Августина на протяжении столетий вызывали к себе весьма настороженное отношение у многих христианских авторов. Учение о немощи и бессилии человеческой природы, поврежденной первородным грехом, и в особенности его учение о предопределении породили немало горячих споров как при жизни Августина, так и после его смерти.

Сотериология Августина получила свое окончательное оформление в ходе его борьбы с британским монахом Пелагием и его последователями. Пелагий был убежденным сторонником так называемого «антропологического оптимизма». В его доктринальных построениях легко усматриваются черты эллинистической мысли относительно свободы человеческой воли и, как следствие, автономности нравственной жизни, которая служит основой моральной ответственности перед социумом.

Пелагий учил, что природа человека имеет в себе мощную волевую потенцию. Человек, если захочет, может вполне свободно изменить свою греховную жизнь на праведную: «...если даже те, которые закоснели в грехе и почти подавили добро, присущее их природе, могут восстановить его своим покаянием, если, изменив образ жизни по своей воле (*mutata voluntate vivendi*), они могут заглушить привычку привычкой и из худших стать лучшими, то тем более ты...» [3, с. 617] Любой человек, по мысли Пелагия, имеет возможность преодолеть свою греховную склонность, если старательно приложит к этому волевое усилие.

Давая высокую оценку человеческим способностям, Пелагий пишет о том, что Бог наделил человека всем необходимым для самостоятельного духовного совершенствования: «...даровав ему ум (*ratio*) и благоразумие (*prudencia*), дабы знаниями и силой своего рассудка (*mens*), которыми он превосходит всех животных, познавал он Творца и служил Ему» [3, с. 596]. А потому все те, кто не стремится к праведной жизни, подлежат безусловному осуждению. По мнению современного немецкого теолога Ганца Шварца, «Пелагий не был настолько наивен, чтобы считать, что люди не грешат, но он настаивал на том, что они могут не грешить» [5, с. 118]. Вся антропологию и, как следствие, сотериологию Пелагия можно свести к его знаменитому тезису: «*posse hominem sine*

peccato esse» (человеку возможно быть без греха). В учении Пелагия главным спасающим элементом является не божественная благодать, а свободная воля человека.

Пелагинская антропологическая концепция вступала в резкое противоречие с августинианской доктриной о первородном грехе. Учение Августина основывается на идее о всеобщем глубоком повреждении человеческих сил и способностей. Грех первого человека Адама, по мысли Гиппонского епископа, привел к необратимому повреждению человеческую природу. Теперь каждый человек, как потомок Адама, носит на себе печать этого греха. Возможность оставить греховные деяния и стать праведным для человека в таком «падшем» состоянии абсолютно недоступна: ум, чувства и воля каждого из людей повреждены первородным грехом настолько, что даже мысль обратить свой взор к Богу может возникнуть только лишь вследствие воздействия на человека божественной благодати. Без дара божественной благодати люди «не делают ничего доброго, мысля ли, желая, любя или действуя» [1, с. 219]. Из данной антропологической доктрины Августин сделал очень важный вывод: если спасение зависит исключительно от воли Бога, но по факту люди спасаются далеко не все, выходит, что Бог вовсе не желает спасения всех. По мысли Гиппонского епископа, все человечество делится на две категории: тех, кого Бог желает спасти (предопределенные к спасению), и тех, кого Бог лишает спасения (не предопределенные к спасению).

Пелагий был возмущен позицией блаженного Августина о немощи человеческого существа, считая, что епископ Гиппона потворствует греховным человеческим наклонностям, оправдывая их бессилием воли. Смысл жизни человека, по Пелагию, состоял в непрестанном аскетическом боре, идеал которого он видел в монашеском духовном подвиге. Не божественная благодать и предопределение, а человеческие усилия приводят верующего к спасению.

Пелагий первородный грех рассматривал не как всеобщее повреждение человеческой природы, а как личный грех самого Адама, последствия которого вовсе не довлеют над его потомками. Все потомки Адама остаются нравственно свободными, могущими сами определяться в выборе жизненных позиций: «существует, повторяю, у нас в мыслях некая природная святость; пребывая как бы в святилище духа, она выносит свое суждение о добре и зле» [3, с. 599].

В своих богословских построениях Пелагий был вполне логичен и рационален. Человек, который не свободен в своем нравственном выборе, не может нести никакой моральной ответственности за свои поступки. Если природа человека повреждена первородным грехом настолько, что не имеет в самой себе возможности выбора в пользу добра, то по какому принципу Бог будет судить человека? Исходя из учения Августина получается, что порочная жизнь человека, не предопределенного к спасению, является результатом не личного сознательного выбора, а так называемой «богооставленности». В таком случае, считает Пелагий, всякое осуждение будет неправомерным.

Однако Августин не считает доктрину о предопределении несправедливой. В его мировоззренческой картине все человечество после грехопадения Адама предстает пред Богом лишь как греховная масса (*massa peccati*), заслуживающая осуждения на вечную погибель. И если Бог по своей милости спасает некоторых, то это, считает Августин, проявление незаслуженного милосердия. Те же, кто не спасается, получают справедливое воздаяние: «Милует Он по безвозмездному дару, а ожесточает по справедливейшей заслуге» [1, с. 123].

В ответ на нападки Пелагия Августин также выступает с резкой критикой учения своего оппонента. Помня печальный опыт своей порочной жизни и безрезультатность попыток вырваться из объятий греха своими собственными усилиями воли, Августин утвердительно провозглашал, что во многих случаях воля оказывается просто бессильной против связывающего ее греховного влечения¹.

В своих трактатах Августин пытается показать, что грех обладает такой непреодолимой силой, что овладевает всей человеческой волей, и пока грешник пребывает в оковах греха, он абсолютно не способен ничего сделать для своего освобождения. Августин соглашается с тем, что у человека когда-то была свободная воля, но это было до грехопадения. После же грехопадения человечество ее полностью утратило. Теперь только Бог способен спасти человека, даровав ему свою благодать. По мнению Августина, говорить, будто человек спасается сам, независимо от божественного воздействия, – кощунственно, так как в этом случае теряет свое исключительное значение искупительная жертва Христа.

Августин также отрицал мнение так называемых «полупелагиан», утверждавших в своем учении, что начало веры зависит от человека, а ее рост и совершенство – от подаваемой Богом благодати. Если благодать подается человеку как результат его веры, то Бог и его дар становятся в прямую зависимость от человеческого решения. Августин неустанно подчеркивал, что дар является даром только тогда, когда подается не в зависимости от человеческих устремлений, но исключи-

¹Это ярко показано в его «Исповеди».

тельно по божественной милости. В противном случае это будет не дар, а заслуга. В книге «О даре пребывания» (*De dono perseverantiae*) Гиппонский епископ совершенно определенно говорит по этому поводу: «Итак, чтобы уничтожено было это мнение, неблагоприятное Богу и враждебное тем безвозмездным Божиим благодеяниям, которыми мы освобождаемся, мы утверждаем, что и начало веры, и пребывание в ней вплоть до конца – все это дары Божии, – по Писанию... Ведь если мы скажем, что начало веры – от нас, и благодаря этому мы удостоиваемся получить прочие дары Божии, то пелагиане заключат, что благодать Божия по нашим заслугам» [1, с. 437].

Сложность полемического конфликта между Августином и Пелагием заключается главным образом в том, что многие пелагианские постулаты имели давнюю традицию в монашеской среде. Поэтому не удивительно, что августинианское учение о предопределении вызвало бурю негодования не только у противников Августина, но и у его сторонников. Около 426 г. североафриканские монахи Адруметского монастыря, изучив некоторые письма Августина, в которых недвусмысленно утверждалось о спасении как о даре незаслуженной благодати, истолковали августинову доктрину в духе фатализма. Насельникам монастыря небезосновательно показалось, что сочинения Августина ставят под сомнение целесообразность монашеского подвига. Если сама вера и христианская жизнь являются не плодом человеческих усилий, а даром совершенно незаслуженной благодати, то всякое аскетическое делание становится просто бесполезным.

В трактате «Об упреке и благодати» (*De correptione et Gratia*) Августин пытается обосновать необходимость аскетического подвига и актуальность моральной ответственности за содеянные поступки. Но на фоне учения о немощи и бессилии человеческой природы, а также при безусловном божественном избрании всякие призывы к моральной ответственности выглядят малоубедительными.

Будучи сам монахом, Августин не собирался подвергать сомнению духовную важность монашеского подвига. Трактаты Августина, которые позднее были собраны в так называемый «антипелагианский корпус», в первую очередь были направлены на защиту божественной благодати от пелагианского учения, которое сильно принижало ее роль в деле спасения человека. Но с Августином произошло то, что часто бывает в подобных спорах. Выступая с критикой «антропологического оптимизма» своего оппонента, Гиппонский епископ занял позицию ровно противоположную пелагианской, результатом чего явилось законченное учение об абсолютной немощи и поврежденности грехом человеческой природы и, как следствие, тотальности божественной благодати.

На основе всего вышесказанного может возникнуть соблазн свести всю историю возникновения августинианской доктрины о предопределении к простой реакции на пелагианское учение. Несомненным является тот факт, что доктрины Пелагия заставили Августина пересмотреть многие свои ранние произведения, результатом чего и явились его т. н. «Пересмотры» (*Retractationes*). Но, несмотря на это, учение о немощи и бессилии человеческой природы, логическим продолжением которого явилась доктрина о предопределении, возникло независимо от пелагианских споров и задолго до них.

То, что мы сегодня называем августинизмом, не было лишь реакцией на пелагианство. В трактате «О даре пребывания» к Просперу и Иларию Августин сам говорит, что доктрину о всеобъемлющей роли благодати и предопределении он стал разрабатывать задолго до пелагианских споров. Поэтому гораздо правдоподобнее было бы сказать, что именно пелагианские постулаты явились реакцией против взглядов Августина. Безусловно, сотериологическая доктрина епископа Гиппона, в своем выкристаллизованном виде, есть плод борьбы с концепциями Пелагия, но ее исток все же лежит не в пелагианском споре.

Мировоззренческая позиция Августина относительно греха и благодати была в первую очередь результатом его мучительных духовных исканий. «Исповедь» раскрывает нам картину глубоких внутренних конфликтов и настроений, терзавших душу Августина до того момента, как он обрел успокоение в христианской религии. Та жизнь, которую он вел до своего обращения, была далека от идеала христианской этики и нравственности. Сам Августин говорит о своем обращении как о повороте, который совершил в его жизни Бог. Это прозрение не могло возникнуть откуда-то изнутри. По его предположению, оно пришло от Бога как незаслуженный дар: «...освободил Ты меня от пут плотского вожделения и от рабства мирским делам» [2, с. 134]. Здесь, по-видимому, и заключается главная особенность учения Августина о спасении. Субъективный опыт своего обращения от жизни порочной к христианской вере он воспринял как объективную данность и возвел в ранг всеобщей догмы. В трактате «О предопределении святых» (*De praedestinatione sanctorum*) Августин пишет: «Бог избрал во Христе прежде создания мира Его членов; и каким образом избрал тех, кого еще не было, если не предопределив их? Итак, Он избрал нас, предопределив нас» [1, с. 366]. Считая человека абсолютно пассивным в деле своего спасения, Августин отдает его судьбу в руки Бога.

Учение о предопределении порождало и порождает множество неразрешимых вопросов, на которые Августин так и не смог дать четких однозначных ответов. Все недоумения оппонентов Гиппонского епископа по поводу его сотериологического концепта можно свести к следующим вопросам:

1. Если человек грешит не по свободной воле, то по каким критериям Бог будет его судить?
2. Будет ли стремление человека в сторону добра оправданным, если предполагается возможность предопределения его к вечной гибели?
3. Если избрание – это дар незаслуженной благодати, не зависящий от человеческих поступков, то на основании чего избираются одни и отвергаются другие?
4. Если Бог от вечности предопределил одних к спасению, а других – к осуждению, то получается, жертва Христа, принесенная якобы за все человечество, в действительности предназначена для малочисленной группы избранных?

Признавая Августина как величайшего учителя и богослова, западная церковь все же не смогла принять доктрину о предопределении в том виде, как ее изложил Гиппонский епископ. В последующие века христианские мыслители попытались смягчить августирианские постулаты о тотальном предопределении, дав место человеческой свободе и разработав учение о значимости добродетельных поступков в деле спасения.

Список литературы

1. Августин Блаженный. Антипелагианские сочинения позднего периода / пер. с лат., примеч. Д. В. Смирнова. М. : Центр АС – ТРАСТ, 2008. 516 с.
2. Августин Блаженный. Исповедь / пер. с лат. М. Е. Сергеев. М. : Изд-во «Канон+», 1997. 462 с.
3. Пелагий. Послание к Деметриаде // Роттердамский Э. Философские произведения / пер. и коммент. Ю. М. Каган ; отв. ред. В. В. Соколов. М. : Наука, 1986.
4. Хегглунд Б. История теологии / пер. с швед. В. Ю. Володина. СПб. : Изд-во «Светоч», 2001. 364 с.
5. Шварц Г. Христианская вера и традиция Лютера / пер. с нем. М. : Изд-во ББИ, 2017. 290 с. (Сер. «Современное богословие»).

Soteriological concept in the anti-Pelagian position of Aurelius Augustine

A. R. Antonyan

post-graduate student of the Department of Philosophy of Religion and Religious studies,
Southern Federal University. Russia, Rostov-on-don.
ORCID: 0000-0002-3047-8609. E-mail: antonuan1917@mail.ru

Abstract: This article examines St. Augustine's doctrine on predestination, which is the core of the Augustinian soteriological position. The purpose of the work is to identify the causes for this doctrine. The subject of scientific research are the texts of Augustine and his opponent monk Pelagius. Special attention in the article is paid to anthropological and soteriological doctrines of Augustine of the late period of his work, which is a result of the polemics of Hippo bishop with Pelagian concepts. The author of article concludes that Augustine's doctrine on predestination, crystallized in polemics with Pelagius, has its source in Augustine's personal spiritual experience, the result of which was the understanding of his powerlessness and impossibility to correct life without the special help of God.

The research methodology includes the historical and philosophical analysis of Augustine's and Pelagius' texts and comparison of key soteriological ideas, which are explicated from the texts. The doctrine of predestination of St. Augustine, which had a colossal influence on formation of the Christian doctrines, on the whole remains a little studied topic in the Russian religious and philosophical literature. This article can be interesting and useful for those who are interested in the issues of philosophy of religion, medieval studies, and history of the development of Christian doctrines.

Keywords: predestination, fate, providence, free will, the Pelagian doctrine.

References

1. Avgustin Blazhennyj. Antipelagijskie sochineniya pozdnego perioda [Anti-Pelagian compositions of the late period] / translated from the Latin, remarks by D. V. Smirnova. M. Center AS – TRUST. 2008. 516 p.
2. Avgustin Blazhennyj. Ispoved' [Confession] / translated from the Latin by M. E. Sergeenko. M. Publ. "Canon+". 1997. 462 p.
3. Pelagij. Poslanie k Demetriade [Address to Demetriade] // Rotterdamskij EH. Filosofskie proizvedeniya [Philosophical works] / transl. and comments by Yu. M. Kagan; resp. editor V. V. Sokolov. M. Nauka. 1986.
4. Hegglund B. Istoriya teologii [History of theology] / translated from the Swedish by V. Yu. Volodin. SPb. Publ. "Svetoch". 2001. 364 p.
5. Shvarc G. Hristianskaya vera i tradiciya Lyutera [Christian faith and the tradition of Luther]. M. Publishing house BBI. 2017. 290 p. (Ser. «Modern theology»).